

Ольга Панина-Смольская Лучезарный ангел

18+

Ольга Панина - Смольская

Лучезарный ангел

«Автор»

2026

Панина - Смольская О.

Лучезарный ангел / О. Панина - Смольская — «Автор», 2026

Я написала повесть о жизни и творчестве голландского художника XVII века Яна Вермеера Дельфтского. Приглашаю к прочтению.

© Панина - Смольская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Помолвка Яна и Катарины	7
Глава 2	14
Жизнь молодой четы в доме «Мехелен»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Панина - Смольская

Лучезарный ангел

Историческая фантазия о жизни, творчестве и любви голландского художника XVII века Яна Вермеера Дельфтского

От автора

Дорогой читатель,

Эта книга родилась из желания вслушаться в дыхание времени и приблизиться к тайне творческой души. Обращаясь к образу Яна Вермеера Дельфтского, я не стремилась к строгой исторической реконструкции — для меня было важнее передать атмосферу эпохи, внутренний свет художника, его любовь, сомнения, утраты и тихое счастье повседневной жизни.

История здесь переплетается с вымыслом, а факты — с интуицией и художественным воображением. «Лучезарный ангел» — это размышление о том, как любовь становится источником вдохновения, как красота простых вещей противостоит трагедиям судьбы и как свет, однажды найденный художником, остаётся жить в его произведениях и в сердцах близких.

Я надеюсь, что эта книга позволит читателю не только прикоснуться к жизни и творчеству Яна Вермеера, но и задуматься о вечных ценностях — любви, верности, внутренней свободе и силе творчества.

Глава 1

Помолвка Яна и Катарины

Молодой человек среднего роста, крепкий, ладный и быстрый, в длинном тёмном плаще и широкополой шляпе, из-под которой на ветру развевались густые волнистые каштановые волосы, торопливо шёл по узким улочкам Дельфта, держа в руке букет алых роз. Скупые лучи весеннего голландского солнца, с трудом пробивающиеся сквозь густые облака, играли на его лице, и казалось, будто молодой человек улыбается. А может, он и правда улыбался, ведь спешил он на помолвку со своей любимой девушкой Катариной!

Это событие несколько раз откладывалось. Причина крылась в том, что мать Катарины, Мария Тинс, была против этого брака. Их семья придерживалась католичества, а избранник дочери -- художник Ян Вермеер являлся протестантом. К тому же Мария полагала, что он не обладает деловой хваткой, будучи до мозга костей человеком искусства, а значит мечтателем «не от мира сего», и она сомневалась, сможет ли он достойно содержать свою семью.

Катарина привыкла жить в достатке, не зная нужды. Её отец, Ренье Болнес, преуспевающий владелец кирпичного завода, имел немалые доходы. Он умело управлял своим делом, но характер имел тяжёлый -- деспотичный, грубый, жестокий, и часто обижал жену и детей, поэтому Мария Тинс развелась с ним, оставшись, тем не менее, состоятельной женщиной. Она любила и баловала свою дочь и очень переживала за её будущее, сама имея в прошлом тяжёлый опыт несчастливого замужества.

Как-то вечером к Марии явились с визитом трое уважаемых горожан: художник Леонарт Браймер¹, капитан Бартоломеус Меллинг и юрист Ян Ранк. Они пришли убедить женщину, что их протеже -- молодой талантливый художник Вермеер -- хорошая партия для её дочери. Уговоры Катарины тоже сыграли не последнюю роль. Скрепя сердце Мария дала согласие на этот союз. «Браймер уверяет меня, что Вермеер -- достойный, благородный юноша, и все в городе знают, что его отец был хорошим семьянином, деловым и практичным человеком, -- рассуждала она, стараясь этими доводами успокоить себя. -- Он оставил в наследство сыну постоянный двор и трактир, в своё время состоял членом гильдии Святого Луки, был опытным ткачом и, кроме того, торговал произведениями искусства. Должны же эти качества отца со временем проявиться в характере его сына...».

Катарина влюбилась в Яна с первой их встречи. Яркая искра мгновенно вспыхнула в её сердце. «Он так от всех отличается!» -- с замиранием подумала она. Молодой художник будто приворожил её, позвал за собой в свой мир, и она согласна была идти за ним хоть на край света!

И Ян в тот счастливый день их знакомства сразу же понял, что эта девушка создана для него, что только она, и никакая другая, будет его женой!

Это случилось на званом обеде у их общей знакомой Маргарет, пылкой поклонницы музыки и искусств. В один из весенних дней в её доме собралась большая компания. Ян пришёл последним и его стали знакомить с подругами хозяйки. Все они мило кланялись, называя свои имена. Мужчин, собравшихся в доме Маргарет, он знал почти всех -- это были художники, поэты и музыканты. Ян сердечно поздоровался со своим другом Питером де Хохом, поклонился Герарду Терборху², заехавшему ненадолго по делам в Дельфт, и с большой тепло-

¹ Леонарт Браймер -- голландский художник и график XVII века, известный благодаря жанровой, религиозной и исторической живописи.

² Питер де Хох, Герард Терборх -- выдающиеся мастера голландской жанровой живописи XVII века

той поприветствовал своего наставника Карела Фабрициуса³, который в своё время обучался у великого Рембрандта⁴ и считался его лучшим учеником.

Маргарет спросила Карела, почему он пришёл без супруги, и художник ответил, что она приболела и виной тому простуда. Хозяйка с сожалением покачала головой:

-- Желаю ей скорейшего выздоровления. Весной, особенно в нашем климате, погода очень обманчива, и надо себя беречь.

Гости в ожидании обеда вели оживлённую беседу. Ян присоединился к общему разговору. Несколько подруг Маргарет хлопотали у стола, расставляя приборы (в те времена в Голландии знатные дамы не считали зазорным наравне со служанками выполнять простую домашнюю работу). В залу, с выпечкой на большой синей фаянсовой тарелке, вошла нарядно одетая девушка -- статная, цветущая, светловолосая, с лёгкой улыбкой на нежном овальном лице. Следом за ней немолодая, но расторопная служанка внесла блюдо с устрицами. Ян залюбовался юной незнакомкой, её мягкими, по-кошачьи гибкими движениями. Она наклонилась над столом, чтобы поставить выпечку, и это позволило молодому человеку заметить волнующие очертания слегка приоткрывшейся девичьей груди.

Незнакомка не была неотразимой красавицей, но в ней было нечто большее, чем холодная безупречная красота. Её почти детское обаяние, как отражение душевной чистоты, сразу пленило Яна.

Мягкие золотисто-русые волосы девушки были гладко зачёсаны и собраны наверху в пучок, а сбоку головку украшал красный бант в виде цветка с пятью лепестками. «Как трогательно!» -- подумал Вермеер. Атласный жакет жёлтого цвета, отороченный мехом горностая, красиво облегал её плечи и при свечах отливал золотом (казалось, он и сам был источником света). В ушах, словно большие сияющие капли, играли жемчужные серьги, а на нежной шее девушки Ян заметил нитку крупного жемчуга. Эти украшения, завораживая перламутровым блеском, напоминали о тёплых морях и океанах, плеске волн, дивных раковинах и таинственных рыбах в морских глубинах. «Вот так я её и напишу! Обязательно напишу!» -- подумал он в тот момент, когда незнакомка, в сопровождении хозяйки, направилась к нему, чтобы поздороваться и познакомиться.

-- Катарина Болнес, моя прелестная подруга, -- представила Маргарет девушку, и лёгкий румянец вспыхнул на щеках Катарины.

Вермеер поклонился и назвал своё имя, а хозяйка поспешила к другим гостям.

-- Я уже слышана о вас и о вашем таланте, -- улыбка осветила лицо Катарины.

-- Кто же так постарался? -- удивился Ян.

-- А вот этого я вам не скажу, -- игриво ответила девушка.

От Яна пахло краской и это очень волновало Катарину. Пристальный взгляд художника она не сочла бесцеремонным -- внимание Вермеера было ей приятно и лестно. Этот пронизывающий взгляд натолкнул её на мысль, что Ян похож на ясноглазого сокола. Она всё пыталась понять, какого же цвета у него глаза: тёмно-серые или карие?

-- Если я приглашу вас позже на танец, вы не откажете? -- спросил Вермеер, сердце которого уже ликовало в предвкушении счастья.

-- Пожалуй, не откажу, -- с милым кокетством ответила Катарина, слегка склонив голову набок, отчего её красный бант встрепенулся, как цветок на ветру.

Хозяйка пригласила всех к столу. Гостей было человек двенадцать. Молодые люди помогли девушкам удобно усесться, подвигая им обитые кожей стулья с тиснёными узорами на спинках и сиденьях. Один из поэтов с чувством зачитал свои стихи, посвященные весне.

³ Карел Фабрициус -- голландский живописец разностороннего дарования, ученик Рембрандта

⁴ Рембрандт Харменс ван Рейн -- великий голландский художник XVII века

После первых тостов сразу стало шумно и весело. Служанка то и дело подносила гостям вино и закуски.

-- А вы знаете, что нашу Голландию называют страной, пахнущей селёдкой? -- спросил кто-то из молодых людей.

-- Что ж, это верно, -- ответила Маргарет, -- и я не вижу в этом ничего плохого.

-- Хотя мы и пахнем селёдкой, однако, мы сильный народ: наши корабли бороздят морские просторы, у нас есть колонии на Востоке и в Америке, и мы боремся за каждую пядь своей земли, не давая морю её поглотить... Да что там говорить, наша Голландия -- страна победителей, страна демократии... -- с гордостью заявил Герард Терборх, явно испытывая удовольствие от сказанного. Его некрасивое вытянутое лицо, казалось, осветилось изнутри.

-- Правильно, дело не в колониях и материальных благах, а в том, что свобода и равенство заявлены главными ценностями нашего общества и являются для нас таковыми, -- несколько высокопарно продолжил поэт, зачитавший ранее стихи о весне.

-- А наши учёные и художники! -- подхватил разговор один из музыкантов. -- Нам есть чем гордиться! И далеко ходить не надо: некоторые из них -- за нашим столом.

-- Да, в нашей маленькой стране художников больше, чем во всей Европе, вместе взятой, и каких художников! -- улыбнулась одна из подруг Маргарет.

-- Предлагаю тост за Голландию и голландцев! -- с воодушевлением воскликнул Вермеер, поднимая бокал.

Катарина бросила на него восхищённый взгляд. Застолье продолжалось. Вскоре заиграли музыканты и молодые люди стали приглашать девушек танцевать. Ян подошёл к Катарине, слегка поклонился ей, и она подала ему руку. В этом её жесте таилось столько женской грации, тепла к нему и какого-то внутреннего трепета, что сердце Яна наполнилось нежностью.

Он подумал, что этот 1653 год оказался для него на редкость счастливым -- он встретил такую девушку, о которой мог только мечтать, и по всему было видно, что она к нему благосклонна. Как всё замечательно складывается! Так замечательно, что становится страшно всё это потерять... «Лишь бы судьба была милостива к нам!» -- пронеслось у него в голове. Но тревожные мысли улетучились так же быстро, как и появились. Ян качнул головой, словно отгоняя внезапные страхи, как отгоняют назойливых комаров, улыбнулся Катарине, которая, раскрасневшись в танце, была восхитительна, и сделал ей комплимент. Ему хотелось в полной мере насладиться счастьем, столь внезапным и оглушительным, и больше ни о чём не думать, не тревожиться!

Когда танец закончился, молодой человек поцеловал девушке руку и предложил ей отойти к окну. Их отражения проплыли в овальном зеркале, висевшем на стене, и художник отметил, что они с юной чародейкой прекрасно смотрятся вместе!

В карих глазах Катаринины отражались огоньки свечей, и глаза её были похожи на два лучистых янтаря. Беседуя с девушкой, Ян стоял очень близко к ней, ощущая её тёплое дыхание и замирая от фруктового аромата её тела. Этот аромат напомнил ему запах спелых персиков -- да, именно персиков, -- такой нежный, едва уловимый, манящий... Художнику представилось, что он находится в прекрасном саду среди плодоносных деревьев и душистых цветов, над которыми хлопотливо снуют пчёлы, собирая сладкий нектар, и во все голоса поют птицы, -- в саду, где всё пронизано неизбывной радостью жизни и счастьем!

Молодой человек поправил кружево на своей белой рубашке и спросил Катарину, играет ли она на каком-либо музыкальном инструменте. Девушка ответила, что училась играть на клавесине и брала уроки пения. Ян попросил её что-нибудь исполнить. Флейтист и скрипач вызвались подыграть Катарине, но она отказалась. С улыбкой поглядывая на Яна, она села за клавесин, неторопливо расправив складки платья, начала играть и запела. Голос у неё был чистый, ясный, а чуткие пальчики привычно и ловко прикасались к клавишам. Звуки её голоса, сливаясь со звуками инструмента, отзывались в сердце Яна всплесками радости.

Глаз влюблённого художника отмечал каждую деталь -- Вермеер мысленно переносил всё увиденное на холст. «Но как лучше передать это настроение, атмосферу и свет, разлитый в атмосфере? Как уловить этот свет? Вот задача из задач!» -- размышлял он, продолжая любоваться Катариной.

Закончив выступление, девушка встала и, отвечая на аплодисменты, взволнованно раскланялась, всё еще находясь во власти отзвучавшей музыки. Ян с гордостью посмотрел на неё.

Один из гостей пригласил Катарину поиграть в трик-трак. Она согласилась и, заговорщицки улыбнувшись Яну, прошла мимо него, шелестя платьем. К нему в это время подошёл Карел Фабрициус.

-- Ну, как твои успехи? -- спросил он. -- Новые работы потихоньку продвигаются?

-- Да, продолжаю экспериментировать, -- ответил Ян, -- вы же знаете, я неустанно бьюсь над тем, как согласовать цвет и свет. Кое-что уже получается благодаря вашим советам. Трудно найти ключ к этим тайнам... Это долгий путь.

-- У каждого из нас свой путь... -- задумчиво сказал Карел. -- Прежде ты набивал руку в мастерской Браймера, это хорошая школа, но я уже говорил тебе, что не стоит подражать ему или кому-либо другому: ты обладаешь таким даром, что непременно будешь впереди всех. Надо только найти свою тему и развивать то, что ты уже имеешь.

-- Вы так высоко цените меня? -- смущённо спросил Вермеер. -- Я даже не ожидал. Но вы несравнимо выше всех нас: та свобода, с какой вы пишете, восхитительна! А ваш почерк и ваш свет... К этому можно только приблизиться...

-- Это преувеличение. Я тоже постоянно ищу ключ ко всем этим тайнам.

Маргарет громко объявила, что после танцев и игр она снова приглашает всех к столу -- выпить чаю со сладким пирогом и отведать заморских фруктов. Все весело уселись и продолжили общение. Ян, сидя рядом с Катариной, наклонился к ней, подумав при этом, что девушка не только пахнет персиками, но и цвет лица у неё персиковый (глаз художника и влюблённого мужчины отметил это), и шепнул:

-- Могу ли я пригласить вас на свидание?

В ответ Катарина бросила на него быстрый взгляд.

-- Встретимся в следующий четверг у Новой церкви? -- взволнованно продолжал Ян. -- В этот день я закончу работу часа в четыре. Придёте?

-- Хорошо, -- тихо ответила девушка. -- Я скажу матушке, что иду к крёстной, а уж крёстная обязательно меня поддержит.

-- Буду очень ждать этой встречи, -- горячо прошептал Ян.

Катарина опустила глаза, чтобы скрыть переполнявшие её чувства.

Свечи догорали. Гости поблагодарили хозяйку и стали расходиться. Молодые люди вызвались проводить девушек. Ян пошёл с Катариной, держа её под руку.

-- Где вы живёте, милая Катарина? -- спросил он, и девушка ответила.

Ян был удивлён и озадачен тем, что она живёт в районе католиков, но постарался это скрыть. «Ничто не мешает нам быть вместе!» -- подумал он. Тут ему пришло в голову узнать у неё, где же она познакомилась с Маргарет.

-- У одной известной модистки, -- последовал ответ. -- Мы давали ей заказы и стали советоваться, какие ткани лучше выбрать. Так и познакомились.

Проводив Катарину до дома, Ян на прощанье поцеловал её руку и напомнил о свидании.

-- Я непременно приду, -- заверила его девушка, залившись румянцем.

■

Все последующие дни Катарине казалось, что время тянется бесконечно долго. Ян мерешился ей всюду -- все мысли её были заняты им. Выглядывая в окно, она обязательно видела кого-то, похожего на Яна, а когда они со служанкой шли за покупками, внимательно присматривалась ко всем, кто хоть отдаленно его напоминал. Ян являлся ей в сновидениях, и по утрам

она старалась восстановить в памяти эти сны. Но иногда ночами в соседней комнате бесновался её душевнобольной брат Виллем, девушка просыпалась, и грёзы её улечивались.

-- С тобой что-то происходит, -- заметила однажды матушка. -- Ты стала такая рассеянная!

-- Нет-нет, тебе показалось, со мной всё в порядке, -- быстро ответила ей дочь, пытаясь взять себя в руки, хоть это было непросто.

Работу по дому Катарина делала по-прежнему быстро и ловко, но машинально. Она боялась, что матушка раньше времени узнает о её чувствах к художнику, и старательно скрывала эти чувства, ведь Ян ещё не признался ей в любви и не сделал предложения.

В четверг в назначенное время она стояла у ограды Новой церкви, слегка переминаясь с ноги на ногу. Порывистый ветер, полный волнующего весеннего духа, дерзкий и ликующий, тербил её одежду и пытался сорвать головной убор. Ян опаздывал, и Катарина стала нервничать, но затем решила, что у него, должно быть, серьёзное дело в гильдии или важная встреча. Наконец она увидела знакомый силуэт и радостно улыбнулась. Молодой человек шёл быстро, очень быстро, и когда приблизился, они бросились навстречу друг другу, словно не виделись долгие месяцы!

-- Меня задержали дела, но я так спешил! -- он прижал руки Катарины к своей груди. -- Я постоянно думал о вас, безумно скучал! Я просто не знал, как дожить до этого часа!

-- Я тоже, -- девушка позволила молодому человеку обнять себя и ощутила, как ей тепло и уютно в его объятиях.

Они пошли по набережной вдоль канала, болтая обо всём на свете, перескакивая с темы на тему. Катарина оживлённо отвечала на вопросы Яна и расспрашивала о его жизни и его картинах. Незаметно пролетел час, а то и более. Девушка так увлеклась разговором, что чуть не забыла о приглашении крёстной зайти к ней на ужин. Вспомнив, она сказала об этом Яну и он согласился.

Агнес, приветливая женщина средних лет, обрадовалась гостям и позвала их к столу. После ужина, по обыкновению, стали музицировать. Крёстная прекрасно играла на лютне, а Ян любил мягкий воркующий голос этого инструмента. Агнес с крестницей спели не один дуэт, что доставило всем немалое удовольствие. Тут Катарина спохватилась, что уже довольно поздно, и Ян пошёл её провожать.

Когда молодые люди подошли к мосту через канал, девушка предложила:

-- Давайте постоим немного у воды.

-- Постоим, -- согласился Ян.

-- Иногда, по пути куда-либо, я здесь останавливаюсь и смотрю на лодки и баржи -- обычно, когда матушка отправляет меня на рынок за продуктами или с гостинцами к крёстной.

Сумерки окутали город, и он вдруг показался каким-то особенным, полным тайны, предназначенным только для них двоих. Где-то вдали послышалось пение. Ранние звёзды, жёлтые, ещё не разгоревшиеся, несмело выглядывали сквозь стремительно летящие облака, напоминающие огромные вздувшиеся паруса.

-- Всякий раз, глядя на наше небо, я не устаю удивляться: какие цвета, тона и полутона! -- с восторгом сказал Ян. -- Посмотрите, вон там облака тёмно-сиреневые и иссиня-чёрные, а следом наплывают бордово-красные с жёлтыми и зеленоватыми полосами...

-- Правда! Я тоже порой не могу оторвать глаз от такого неба, но чаще оно у нас бывает серым, как некрашенный лён.

-- А вы попробуйте присмотреться к нему даже тогда -- и увидите то, что не могли разглядеть раньше. Это так увлекательно! Есть вещи, которые увидишь не сразу.

-- Постараюсь присмотреться, но неужели я ещё что-то увижу?

-- Непременно!

-- Многие называют наше небо скучным и бесцветным...

-- А для меня оно всегда волнующее и загадочное. Я мечтаю написать вид Дельфты так, чтобы небо занимало бóльшую часть полотна, и показать, как облака плывут после дождя -- неторопливые, величавые, а силуэт города будет виден издалека, как нечто прекрасное... Полотно я хочу поделить на четыре части: набережная, река, постройки и огромное небо. Не знаю, удастся ли мне отразить на холсте всё очарование нашего города и наше небо таким, как я его вижу... Пока это только планы. Я не люблю спешить в таких вещах, замысел должен созреть.

Катарина, выслушав Яна, лукаво спросила:

-- Надеюсь, я буду первой, кто увидит картину?

-- Конечно. Дело лишь за малым -- осталось её написать, -- шутливо ответил художник.

Внизу, словно старинное серебро, темнея, поблёскивала вода. Ян, указывая на лёгкие серо-оливковые волны, сказал:

-- Посмотрите, Катарина, в воде, как в таинственном зеркале, отражаются облака, тени пролетающих птиц, свет далёких звёзд... А ветер, словно художник, пишет свою картину. Об этом можно сочинить сказку.

-- Как это красиво, -- прошептала девушка.

-- Всё благодаря вам. Вы вдохновляете меня.

Глаза Катарина были совсем близко, эти ярко сияющие в сумерках глаза. Взгляд Яна растворился в них. Молодой человек обнял девушку и нежно коснулся губами её губ. Сердце его на секунду замерло, затем заколотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди.

-- Вы согласны стать моей женой? -- тихо спросил он.

-- Согласна, -- ответила Катарина, и счастливые слёзы, крупные, как у ребёнка, покатились по её щекам. -- Теперь нужно только согласие матушки.

Этот вечер навсегда остался в памяти художника, в глубине его сердца.

Вот и сейчас, по дороге в дом Марии Тинс, он вспомнил во всех подробностях те забываемые часы.

■

Вермеер пришёл в ту часть города, где жили католики, и остановился у входа в большой двухэтажный дом с мезонином. Постояв несколько минут, чтобы унять волнение, он постучал серебряным молоточком в дверь. Ему открыла Мария. Ян поклонился ей.

На женщине было строгое серое платье с кружевным белым воротником, седые волосы прикрывал небольшой чепец. Её маленькие жёлто-коричневые глаза были холодными. Она скользнула взглядом по букету роз в руках Яна и сказала, с трудом сдерживая раздражение:

-- Вы пришли с опозданием, молодой человек.

В её голосе слышались ледяные нотки, словно хрустели кусочки льда в металлической кружке. Яну стало как-то неуютно.

-- Друг вашей семьи, который будет свидетелем на свадьбе, уже здесь, и мы вас ждём, -- добавила она.

-- Прошу меня извинить, -- художник ещё раз поклонился Марии. -- Я задержался в гильдии.

-- В день помолвки можно было прийти вовремя! -- отрезала она и, развернувшись, направилась в гостиную, шурша подолом, строгая, прямая.

Смущённый Вермеер последовал за ней.

«Она права, -- подумал он. -- Даже при моей занятости, я не должен был опаздывать!».

В доме царил чистота, пахло свежестью. Пол в зале, выложенный светлыми и красными мраморными квадратами, блестел. Стулья с высокими спинками были аккуратно расставлены, витражные окна плотно закрыты, и робкие лучи молодого весеннего солнца, заглядывающие в комнату сквозь цветные стёкла, играли бликами на квадратах пола, стенах и мебели, создавая радостную, волнующую атмосферу.

В кресле у низкого столика сидел почтенный седовласый Леонарт Браймер. Он встал навстречу Яну, и они обнялись. Жених спросил Марию, где же Катарина.

-- Она раскладывает фрукты, сейчас выйдет, -- голос Марии был всё таким же ледяным.

Катарина внесла в залу блюдо с фруктами, улыбнулась Яну своей солнечной улыбкой, поздоровалась с ним и, мельком посмотрев в сторону матери, предупредила Яна взглядом, что надо терпеть её характер. Он понял этот молчаливый знак.

Девушка поставила блюдо на стол и снова обратила к Яну свой сияющий взор. Молодой человек в который раз отметил, что у неё удивительно светлая и притягательная улыбка. Улыбаясь, она словно одаривала его своим теплом. В эти мгновения ему казалось, будто горячие огоньки зажигаются в глубине её золотисто-карих глаз и согревают его сердце. «Моя любовь, мой лучезарный ангел!» -- с восторгом повторял он про себя, как стихотворение.

-- Катарина, эти розы -- вам, -- сказал он, вручая невесте букет. Она прижала цветы к груди и опустила лицо в их алые лепестки.

Мария пригласила всех сесть и на правах матери невесты начала речь первая.

-- Я была против этого брака, но молодые настояли, -- строго сказала она. -- Надо оговорить все детали: когда и где состоится венчание и свадебное застолье, где будет жить молодая семья. И, самое главное, мне хотелось бы напомнить Яну, что я доверяю ему самое дорогое -- мою Катарину. Он должен дать мне слово, что будет заботиться о ней и постарается содержать свою семью в достатке.

Всё это Мария произнесла, почему-то обращаясь к Леонарту Браймеру, словно не замечая Вермеера.

-- Матушка! -- остановила её дочь умоляющим голосом.

-- Дорогая Мария, сегодня праздник -- обручение Яна и Катарины, так давайте порадуемся и поздравим молодую пару! -- с чувством сказал Леонарт. -- Ян, передай невесте кольцо в знак обручения, а позже я вручу подарки. Дорогие, будьте счастливы!

-- Спасибо, -- ответил жених, стараясь скрыть волнение. -- Я хочу сообщить вам, -- обратился он к Марии, -- что принял католичество и не вижу особой разницы между протестантами и католиками: Бог един. Мы с Катариной будем венчаться в той же церкви, где вы когда-то её крестили. И наших будущих детей окрестим там же. С Леонартом мы теперь тоже будем прихожанами одной церкви, ведь он католик.

-- Отрадно это слышать, -- сдержанно произнесла Мария.

-- Свадьбу отпразднуем в моём доме, -- продолжал Ян. -- Я знаю, какую драгоценность вы мне доверяете, и постараюсь оправдать ваше доверие. Моя матушка сегодня не смогла прийти по причине недомогания и приносит свои извинения. Она просила передать, что даёт благословение на наш брак.

-- Яну будет непросто совмещать творчество и семейные хлопоты, и близким надо это осознать, -- поспешил объяснить Леонарт.

-- Вы правы, я тоже думала об этом, -- ответила Мария. -- Мне придётся помогать молодым, иначе им не справиться.

Её слова прозвучали несколько неожиданно для окружающих. Эта сильная, проницательная женщина невольно вызвала уважение у Яна и Леонарта.

-- Я люблю вашу дочь и сделаю всё, чтобы она была счастлива, -- заверил её художник.

Лицо Марии разгладилось, посветлело, будто коснулся его солнечный луч, глаза её потеплели. Все вздохнули с облегчением.

-- Да пребудет с нами Бог! -- тихо воскликнул Леонарт Браймер.

А Ян и Катарина были так поглощены друг другом, что больше не замечали ничего вокруг. Они ликовали: скоро свадьба, начало новой жизни, всё у них впереди!

Глава 2

Жизнь молодой четы в доме «Мехелен»

После свадьбы Катарина переселилась в дом своего мужа «Мехелен» на рыночной площади. Молодую пару переполняло счастье любви, и всё для них было согрето и расцвечено этим чувством.

Катарина летала по дому как птица и никакая домашняя работа не была ей в тягость. Она постоянно заботилась о чистоте и убранстве своего жилища и, не доверяя никому, с удовольствием сама наводила в нём порядок и красоту.

Дом был просторный, работы в нём было много, но Вермеер не мог позволить себе нанять прислугу. Постоялый двор и трактир -- всё, что перешло ему по наследству от отца, не приносило большого дохода. Хлопоты, связанные с делами трактира, взяли на себя матушка художника -- Яна Дигна и его старшая сестра Гертруда, которые жили в другой части этого же дома, стараясь не мешать молодожёнам самостоятельно вести хозяйство. Ян был ещё подмастерьем, поэтому жили они с Катариной довольно скромно.

С утра, как бывало обычно, молодая жена уже сходилась с корзинкой на рынок и выбрала в мясных и рыбных рядах небольшие, но свежие кусочки, прикупив кое-что и в овощных лавках. Вернувшись домой, сразу же начала готовить, желая порадовать Яна вкусными блюдами.

-- Ах, забыла я взять имбирь и корицу, -- спохватилась она. -- Ничего, ещё есть немного.

К Яну пришёл какой-то господин, и они вели беседу в мастерской. Катарина видела, что посетитель пришёл не с пустыми руками, а с картинами, значит, принёс что-то на продажу или явился для консультации по поводу подлинности полотен (помимо живописи Ян занимался оценкой картин, скупкой и продажей). Женщину переполняла гордость за мужа: к нему обращались за советами, его ценили.

Пока Ян вёл переговоры с незнакомым посетителем, Катарина общалась с соседкой, заглянувшей к ней перекинуться двумя-тремя словами о делах и погоде. Угостив гостью только что испечённым пирогом, хозяйка посетовала, что подходит время обеда, а у мужа затянулась встреча с визитёром. Соседка вскоре убежала, так как у неё на кухне тоже что-то варилось.

Из мастерской вышли Ян с гостем, на ходу заканчивая беседу. Незнакомец быстро откланялся и ушёл, и только Катарина хотела спросить мужа, кто это был, как заметила, что из кладовой, находящейся рядом с кухней, выбежала кошка с большим куском рыбы в зубах. Катарина всплеснула руками, а Ян рассмеялся:

-- Сегодня у нашей кошки прекрасный обед!

-- Я её поймаю и хвост надеру!

-- Милая, ты её так любишь, что и пальцем не тронешь, только грозишься.

Он обнял жену, и они на секунду замерли в этой нежной позе.

-- Как там наш малыш? -- спросил Ян, погладив живот жены.

-- Растёт, толкается, -- улыбнулась она.

-- Уже осень на дворе, время летит, а зимой родится наш первенец...

-- Я хочу, чтобы у нас было много детей, -- тихо сказала Катарина.

-- Уверен, что так и будет.

-- Дорогой, тебе пора обедать и идти к Фабрициусу. Ты не забыл, что у вас назначена встреча?

-- Конечно, не забыл.

-- Я накрываю на стол. Сегодня у нас гороховый суп со сливами и имбирем, а на второе -- телячий язык с зелёными яблоками. Ещё я испекла пирог. А что приготовить завтра?

-- Что бы ты ни приготовила -- мне всё всегда нравится.

Пока Катарина расставляла тарелки, Ян прохаживался по комнате.

-- У нас уже есть одно полотно Фабрициуса, -- задумчиво сказал он. -- Я хочу приобрести ещё несколько -- не для продажи, для души, для себя. Карел сейчас пишет кое-что новое и приглашает нас посмотреть эти вещи.

-- С удовольствием! Знаешь, я часто смотрю на ту картину, которую ты у него купил, и размышляю: о чём так задумался этот продавец музыкальных инструментов?

-- Раздумья о жизни: о вечном и бренном. Удивительное полотно! С одной стороны -- тишина Дельфта, глубокие размышления человека -- всё как во сне, а с другой -- чувствуется, что земля круглая, всё находится в движении, идёт по круговой линии. Жизнь пульсирует, мягко и неуклонно... Во время работы Карел использовал широкоугольную линзу, поэтому изображение города получилось таким необычным и это помогает ощутить его неповторимое очарование.

-- Это очень интересно, но ты садись, а то суп остынет, -- напомнила Катарина.

-- Как всё вкусно пахнет! -- Ян, наконец, уселся за стол.

-- Давно хочу спросить тебя, милый, а не с тебя ли Карел писал этого молодого человека с музыкальными инструментами? Вы удивительно похожи.

-- Мне тоже кажется, что в нём проскальзывают мои черты, но я не позировал Карелу, он не просил меня об этом. Я восхищаюсь им -- это мастер с большой буквы, и для меня большая честь общаться с ним.

-- А для меня -- ты самый необыкновенный!

-- Это потому, что ты любишь меня, ласточка.

-- Я действительно люблю тебя. И ещё я чувствую, что ты -- не как все. И не просто чувствую, а знаю.

Эти слова тронули Яна до глубины души.

Катарина стала подавать второе блюдо. Ян, наблюдая за ней, размышлял о чём-то своём.

-- Когда я закончу картину «Христос в доме Марфы и Марии», то попробую свои силы в другом направлении, -- сказал он. -- Напишу что-нибудь на тему блудного сына, с яркими цветовыми пятнами, а позже -- ещё одну вещь. Сейчас я расскажу тебе об этом: мужчина и женщина сидят за столом у открытого окна, они долго не виделись -- и вот радость встречи! Он -- офицер или моряк, путешественник, она -- сияющая от счастья женщина. Это будешь ты, мой лучезарный ангел! Ты должна позировать мне. Питер де Хох не раз писал подобные сцены, но я хочу, чтобы моя картина была прямо-таки магической по своему настроению!

-- У тебя всё получится, иначе и быть не может, -- улыбнулась Катарина и напомнила мужу: -- Не забывай о еде!

-- Ты будешь моей единственной музой, -- сказал Ян, с любовью глядя в её чуть расплывшееся от беременности лицо. -- И время будет не властно над тобой.

-- Я думаю, ты всегда будешь писать только то, что затрагивает твоё сердце... -- задумчиво сказала Катарина.

-- Безусловно. Помнишь, я говорил тебе, что мечтаю написать наше небо и «портрет» нашего города, и вот недавно решил, что напишу и ту улочку, которая находится позади нашего дома, с богадельней для старух и примыкающим к ней двориком. Но работаю я медленно, только когда почувствую, что работа завершена, могу остановиться -- не раньше. А теперь мне пора идти, моя радость, я опаздываю на встречу с Карелом.

Катарина быстро поднялась из-за стола:

-- Ян, ты почти ничего не ел!

-- Неправда. Да и вечер у нас впереди, всё наверстаем, -- он поцеловал жену и ушёл через дворик.

Она вышла вслед за ним и, как всегда, залюбовалась его летящей походкой. Развевающиеся на ветру полы плаща казались ей крыльями птицы.

Перебив посуду и наведя порядок в белье в шкафу, Катарина подошла к клавесину и поставила на пюпитр ноты, чтобы разобрать новые пьесы. «Вечером порадуя Яна этой красотой, -- подумала она и дотронулась до клавиш, но одна из них ответила слегка дребезжащим звуком. -- Надо же, съехала струна, -- поморщилась женщина, -- вечером попрошу Яна подтянуть её. А сейчас я всё-таки немного поиграю».

Закончив занятия музыкой, Катарина решила пройтись вдоль канала. Ей нравились эти прогулки -- плеск воды, движение гружёных судов, крики птиц -- охотниц за рыбой, бег облаков. Она вспомнила, как они с Яном на том первом памятном свидании стояли на мосту, и он говорил, каким видит Дельфт и эту воду, и это небо. «Есть вещи, которые увидишь не сразу». Она вдруг поняла, что стала смотреть на всё его глазами -- он ворвался в её тихий мир и расцвел его множеством красок! Катарина почти с ужасом подумала, что было бы, если бы она не встретила его... Как бы она жила? Серо и однообразно, и никогда не смогла бы почувствовать всего того, что чувствует сейчас! «Даже за крупицу этого счастья можно многое отдать! А некоторые и не подозревают, что можно так любить, так жить... Каждый мой день наполнен смыслом и светом, я с волнением смотрю, как под кистью моего мужа рождается новый мир, как его переполняют планы -- и моё сердце ликует!».

✱

Ян пришёл вечером в приподнятом настроении. Катарина бросилась в его объятия.

-- Как там Фабрициус? Что у него нового?

-- Я был вначале у него, а потом у одного заказчика. Фабрициус приглашает нас с тобой в гости в это воскресенье.

-- Замечательно! А сейчас садимся ужинать, время подошло. У нас от обеда столько всего осталось: язык, пирог, да ещё сыр и фрукты. После ужина я сыграю тебе новые пьесы, только ты подтяни струну, которая дребезжит.

-- Хорошо, иду мыть руки. А когда поедим, я всё сделаю.

За ужином разговор зашёл о Фабрициусе.

-- Жена Карела хотела сегодня угостить меня жареным карпом, но я был сыт и отказался, -- сказал Ян. -- Это его вторая жена.

-- Правда? Я этого не знала. А что же произошло с первой?

-- Сейчас расскажу. Сначала у Фабрициуса всё шло хорошо: он учился в студии Рембрандта в Амстердаме, был его самым талантливым учеником, потом работал в этом же городе, женился. Но спустя время семью Карела стал преследовать злой рок: у них умерли дети, а во время третьих родов умерла и жена. В отчаянии он вернулся в свой родной Мидден Бемстер и только через семь лет женился снова и поселился в Дельфте.

-- Какая тяжёлая судьба!

-- Да, но судьбе не удалось его сломить... Он невероятно талантлив и весь уходит в работу. Я наблюдаю, как он работает, и учусь у него. В отличие от Рембрандта, Карел обычно располагает модель на слегка подсвеченном фоне и любит работать в холодной цветовой гамме.

-- Для меня это слишком сложно, -- сказала Катарина, подавая Яну фрукты. -- А что он пишет сейчас?

-- Автопортрет, картину «Стражник» и маленькую замечательную вещь «Щегол».

-- Что это за «Щегол»?

-- А вот сама и увидишь в воскресенье. В каждой его работе живёт душа. Для него очень важен человек и его связь с окружением... А как меня восхищают его эксперименты в технике импасто, с сочным мазком!

-- Это очень мудрёные вещи. Я стараюсь в это вникнуть и хоть что-то понять, но когда смотрю на картины, то оцениваю их только чувствами.

-- Вот и прекрасно! Спасибо тебе за ужин, дорогая. Сейчас я подтяну струну, и ты мне поиграешь.

■

В воскресный день после утренней службы в церкви Ян и Катарина отправились в гости к Фабрициусам.

Осень выдалась на редкость сухая и тёплая. Багряные и ярко-жёлтые листья покачивались на ветвях деревьев, и в этой увядающей красоте было что-то прощальное, но светлое, как обещание будущего возрождения. Осыпаясь, они ложились под ноги ковром. Ян собрал из них целый букет для Катарины. Её золотистые локоны во время ходьбы слегка выбились из-под головного убора, на лбу поблёскивали капельки пота.

Карел с женой Агатой, стоя у порога, поджидали гостей. Рассеянные лучи осеннего солнца мягко освещали их силуэты.

-- Мы вам очень рады! -- приветствовали они чету Вермееров.

Женщины, познакомившись, сразу почувствовали симпатию друг к другу. Агата спросила Катарину о самочувствии.

-- Спасибо за заботу, я хожу хорошо, хоть ребёнок и беспокойный, -- ответила гостья и затем обратилась к хозяину: -- Хотелось бы посмотреть ваши картины. Мой муж рассказывал мне о них.

-- Давайте сначала пообедаем, а уж потом пройдем в мастерскую, -- предложил Карел.

-- Конечно, -- поддержала его супруга. -- Стол уже накрыт.

Продолжая беседовать, все прошли в залу.

-- Сегодня такой ясный день, -- сказал Вермеер, помогая жене сесть за стол. -- Осень в этом году удивительно тёплая. Мы с Катариной чудесно прогулялись. Прогулки ей полезны.

-- Ян такой заботливый, я не нарадуюсь. -- Катарина ласково дотронулась до руки мужа.

Во время обеда она незаметно наблюдала за Карелом и Агатой, вспоминая рассказ Яна о судьбе наставника. Всё пережитое оставило свой след в его облике: в простых крупных чертах его открытого лица жила какая-то неизбывная, глубоко спрятанная печаль. А жена Карела была простой, заботливой женщиной, прекрасной хозяйкой и верной подругой. Чувствовалось удивительное тепло в их отношениях. «Это как раз то, что нужно Карелу», -- подумала Катарина.

За столом разговаривали о погоде, политике, о живописи. Шутили.

После обеда хозяин повёл гостей в свою мастерскую. Глядя на его полотна, Катарина замерла. Ян стоял позади жены, обнимая её за плечи, и тоже рассматривал картины, пытаясь увидеть их её глазами.

«Автопортрет» Карела рассказывал о том, что пережил этот человек за свои тридцать два года -- глубокое повествование в духе Рембрандта.

«Стражник» вызвал у Катарины улыбку. Какая живая сценка! Молодой солдатик, совсем ещё мальчишка, разомлев на солнце, заснул на посту, да так глубоко, что раскинул ноги в стороны и свесил голову на грудь. А чёрная собачка удивлённо наблюдает за ним.

Затем они подошли к очень маленькой картине, о которой говорил Ян. Жёлтый щегол смотрел с полотна на Катарину умным, внимательным, изучающе-насторожённым взглядом. Он словно осознавал своё положение пленника, навсегда прикованного цепью за ножку, горечь своей судьбы, свою несвободу. Казалось, его глазами на мир смотрит сам Фабрициус.

-- У меня даже слов нет, -- прошептала гостья, прижимая руки к груди.

-- Я подарю вам эту картину, как только она будет закончена, -- сказал Карел, заметив, какое впечатление «Щегол» произвёл на Катарину. -- И можете выбрать для себя ещё одно полотно.

-- Вы сделаете нам такие подарки? -- не поверила она.

-- Да, да. Для этого будет несколько поводов: скоро Яна примут мастером в гильдию Святого Луки и потом у вас родится первенец.

-- Вы очень щедры, -- растроганно сказал Ян, а изумлённая Катарина так и стояла, прижав руки к груди.

✿

Запоздалая весна нарядила деревья в нежную блестящую листву и кокетливые цветы. Катарина радовалась каждому листочку, каждому весеннему лучу. Она стала матерью, и с материнством к ней пришли новые ощущения -- и чувствовать, и смотреть на мир она стала по-иному.

Это была первая весна в жизни их маленькой дочки Марии, родившейся в январе. Мать Катарины, Мария Тинс, была счастлива, что стала бабушкой и в честь рождения девочки подарила Яну Вермееру триста гульденов и ещё двести -- для Марии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.